

И. Б. Ничипоров

Лагерная проза сегодня: роман Виктора Ремизова «Вечная мерзлота»

Статья обращена к новейшему литературному материалу – роману В. Ремизова «Вечная мерзлота» (2021). Рассмотрены художественное своеобразие этого явления современной лагерной прозы, его социально-историческая и психологическая проблематика, многогеройная композиция. Уделено внимание соотношению панорамных картин, массовых сцен с тщательной прорисовкой ключевых характеров. Делаются выводы о символическом потенциале образов Сталинской Магистральной и вечной мерзлоты.

Ключевые слова: современная русская литература, лагерная проза, В. Ремизов, художественное осмысление сталинизма, «северный текст» в литературе.

Iliya B. Nichiporov

Camp Prose Today: Viktor Remizov's Novel "Permafrost"

The article is addressed to the latest literary material – V. Remizov's novel "Permafrost" (2021). The artistic originality of this modern sample of camp prose, its socio-historical and psychological problems, multi-genre composition are considered. Attention is paid to the combination of panoramic paintings, mass scenes and images of key characters. Conclusions are drawn about the symbolic potential of the images of the Stalin Highway and permafrost.

Key words: modern Russian literature, camp prose, V. Remizov, artistic interpretation of Stalinism, "northern text" in literature.

Роман Виктора Владимировича Ремизова (род. в 1958 г.) «Вечная мерзлота» (2021) стал обсуждаемым литературным событием. Произведение вышло в финал «Большой книги», было удостоено премии «Книга года» и актуализировало традиции лагерной прозы XX века, сложившиеся в творчестве А. Солженицына, В. Шаламова, Е. Гинзбург, О. Волкова, А. Жигулина и др. Его автор, имеющий опыт геологоразведочных экспедиций на Ангаре, сплавов по таежным рекам, обучения на филологическом факультете МГУ, работы школьным учителем, журналистом, – в течение ряда лет собирал документальный, мемуарный материал, устные свидетельства об амбициозном, унесшем многие жизни и в итоге неудавшемся строительстве в 1949–1953 гг.

Сталинской трансполярной Магистральной в бассейне Енисея. Пробуждение литературного интереса к данной теме писатель объяснял тем, что однажды в поле его зрения «попал мартиролог репрессированных, выпущенный клубом енисейских капитанов. Там были не просто дата рождения, приговора и смерти, но про каждого было написано, что он успел в жизни сделать. Книга была составлена с любовью и горечью. Там было множество чудовищных сюжетов. Так и возникла идея книги» [4]. В период основной работы над романом с осени 2013 г. по весну 2018 г. и последующей двухлетней правки [5] первостепенной оказалась для него нравственная и творческая задача «почувствовать себя в образе людей, тогда живущих» [4].

Как отмечали рецензенты, соцреалистическая производственная утопия в духе «Дороги на океан» Л. Леонова «у Ремизова превратилась в самую страшную реальность» [9]. Атмосфера размеренного, интонационно сдержанного повествования, сфокусированного на ряде рельефно выведенных характеров, множестве надломленных судеб, парадоксально сочетается с тем, что автор «в своем художественном осмыслении ГУЛАГа идет за Шаламовым, у него также все на последнем пределе: лютые морозы, стынь, сучьи войны, голод до галлюцинаций и обмороков, убийства, изнасилования мужчин, женщин, собак и такие пытки, когда выбрать смерть легче, чем выбрать эту жизнь» [9]. Сталинская и послесталинская страна увидена в романе как «дорога в никуда» [9], а предпринятые писателем «колоссальные усилия реконструкции» [8] позволяют через символический образ «вечной мерзлоты» донести «ощущение исторической травмы как вечной, не предполагающей конца в сознании ее современников и жертв» [8]. В этом «романе сибирском и северном, историческом и производственном» [1], где «много советского пафоса тех лет... но нет ни грамма авторского пафоса» [2], зреют эпохальные обобщения о том, что «в закате сталинской эпохи просматривается будущий закат Советской империи. Вслед за рельсами и шпалами северной магистральной мерзлота поглотила и породившую их страну» [1], о том, что и со смертью вождя «лед этот... никуда не делся» [7].

В панорамное полотно, композиция которого закольцована картинами устрашающего ледохода на Енисее в 1949 и 1953 гг., искусно вплетены сквозные сюжетные нити психологического, семейного романа, раскрывающего несхожие варианты нравственного и социального выбора персонажей, вследствие чего, по признанию автора, вышла «книга не о стройках и лагерях, а о людях, живших в то непростое время» [6].

Экспозиционный план повествования, запечатлевший таежный поселок Ермаково весной 1949 г., реку Енисей в образе «трудяги» и «вечного каторжника» [3] (в дальнейшем в статье цитаты приводятся по этому изданию. – *И. Н.*), соединил динамичную иносказательную зарисовку беспомощного зайца, из последних сил прыгающего с льдины на берег, срывающегося в бурный водоворот и терзаемого орлами, – с детализированными массовыми сценами «выгрузки» обреченных зэков и зэчек – уголовников и «58-й». Эпическим зачином протяженного рассказа о том, как «начиналась Великая Сталинская Магистраль», выступила предыстория Спецстроительства-503, проекта «железной дороги с Приполярного Урала», восходящая к правительственному постановлению 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Развернувшаяся с 1947 г. «гигантская стройка в Заполярье» силами заключенных и ссыльных стоила «колоссальных человеческих и материальных ресурсов», послужила еще одним средством самоутверждения вождя, который повсюду «ставил памятники своему гению». *В исторической практике сталинизма приоткрывается метафизический смысл*, коренящийся в претензии земного правителя на человекобожеское господство над временем, поскольку «семидесятилетний человек, обладающий абсолютной властью над покоренным советским народом, пытался продлить свою жизнь в веках». «Сталин не любил быть неправым», а потому резонно возразивший ему по вопросу технической целесообразности строительства начальник Главсевморпути вскоре с неизбежностью «оказался английским шпионом» и получил двадцать лет исправительно-трудовых лагерей.

Многоголосым аккомпанементом к изображению бытового убожества местных поселков на фоне «огромного строительства», которому «конца не видно было ни в ту, ни в другую сторону», – не раз звучат горестные *полилоги заключенных*. Стихийно пытаюсь докопаться до истины в частном и историческом бытии, они наперебой толкуют о злодеяниях «усатого», сравнивают еще свежие в памяти события войны, где сражались «наши солдаты и фашисты», с лагерной данностью, при которой «и охрана, и люди в колонне были русские». В марте 53-го предчувствие освобождения смешивалось в этих голосах со страхом, растерянностью, непониманием происходящего, но в любом случае «их мысли не имели ничего общего с тем, что несло с трибуны».

Композиционно значима в романе *контрастная смена ракурсов индивидуальных восприятий лагерно-производственных процессов*. Так, молодой капитан Енисейского пароходства Александр Белов при виде Стройки-503 с

пылкой наивностью «жадно все рассматривал и радовался невольно развитию новой жизни», утверждался в ощущении себя «свободным гражданином своей страны». А инженер Николай Мишарин, выпускник МАРХИ, энтузиаст и доброволец, также мечтавший поначалу о возведении нового города, превращении «всей страны» в «великую социалистическую стройку», вскоре спивается и погибает, осознав безумие бюрократической системы, действующей исключительно с оглядкой на «прищур» «главного прораба страны».

Стремительно «набравшие скорость» стройки рисуются в метафорическом образе «гигантских змей», при этом их неистовый размах, требующий нескончаемых средств на содержание репрессивных структур, оборачивается бессмысленностью в соотнесении с фарсовой драматургией совещаний у вождя на склоне его лет. В Кремле, перед усталым «хозяином»-«дачником», которому «все это было уже почти неинтересно», начальники и генералы в страхе «зачитывали по бумажкам» бодрые, имевшие отдаленное отношение к реальному положению дел доклады, невольно открывали для самих себя, что «в фундаменте Великой Сталинской Магистралли лежали ложь и круговая порука», но всей мощью государственного аппарата продолжали культивировать вождизм в мировом масштабе: «В Корею воевали вовсю, КНДР в союзе с Китаем вновь заняли Сеул. Где-то там образовалась, ликовала газета, Коммунистическая партия Камбоджи!.. На планете складывались режимы, похожие на его, основанные на лжи и пропаганде, с несменяемой властью и обманутыми народами».

Возводимая под гнетом страха перед «Большим Гневом» Магистраль явлена в романе как одно из воплощений зловещего абсурда тоталитарного строя, ибо «страна, живущая в бараках и впроголодь, строила грандиозное и никому не нужное. И делала вид, что гордится этим». Летом и осенью 1952 г., в условиях необратимого одряхления вождя, и без того малоэффективное строительство настигла «уже пятая или шестая масштабная реорганизация», «деньги урезались», «построенное не обслуживалось», «составлялись бесчисленные отчеты». Тысячи судеб подневольных рабочих, их тюремщиков, кадровых офицеров, речных капитанов, женщин и детей попали в удушающую зависимость от сводок о состоянии «главного строителя», читаемых «мерным голосом Левитана». Точно заклиная дракона, эти рабочие писали письма, «все желали выздоровления, клялись работать еще лучше, брали повышенные обязательства». Смерть вождя, скоропалительное постановление правительства о закрытии и консервации Магистралли, смягчении лагерного режима и частичной амнистии ассоциируются с символической картиной

разрушительного ледохода на Енисее, который «трещал, гремел, многокилометровое изломанное ледяное поле медленно текло огромной, живой и страшной массой», а в практическом плане привели к бесчеловечной ликвидации годами создававшейся инфраструктуры, массовым списаниям, уничтожению имущества, поспешному разбору «больших четырехквартирных домов», очередным перемещениям деморализованных людских масс, жестокому истреблению караульных овчарок...

Насыщая роман элементами документального дискурса, автор воссоздает сцены бунта каторжных заключенных в Норильске, приводит написанное 27 июня 1953 г. обращение узников Горного лагеря к правительству – эту отчаянную «мольбу людей, раздавленных государственной машиной», но находящих силы требовать «свободы, братства и единства всего советского народа», настаивать, чтобы с ними «говорили не языком пулеметов, а языком отца и сына».

«Эпическая глобальность» [7] «Вечной мерзлоты» уравнивается Ремизовым таким образом, что история сооружения Магистральной составляет «сюжетный стержень, на который нанизываются судьбы самых разных людей» [7].

Многогеройный персонажный мир произведения, включающий драматичные «судьбы семейных союзов» [8], богат психологическими подробностями и образует мощную ось романного времени, обращенного к *частной жизни, которая обнаруживает как уязвимость под давлением несвободной эпохи, так и ресурсы личностного устояния*.

Предыстории, жизненные пути второстепенных и эпизодических персонажей заключают «сгусток перипетий» [8], нередко вмещают «уплотненные сюжеты», каждого из которых «хватило бы на повесть» [8]. Так, объемный исторический пласт просматривается в биографии бакенщика Валентина Романова, пережившего ссылку, потерю первой жены, арест и приговор к 15 годам старшего сына, который на третьем курсе речного техникума осмелился «врезать» начальнику политотдела за «ссылного сучонка». Из глубин истстрадавшейся души «дядь Вали» проистекает достигающее едва ли не карамазовского надрыва отвержение мироустройства: «Вопросы терзали и терзали, они были не к чекистам... Господь голодной смертью забрал у Валентина Романова жену и дочь, теперь же, руками тех же палачей, забирал и сына». Трагическими прозрениями о современности продиктована его экспрессивная отповедь восторженному сталинисту капитану Белову, искренне полагающему, что «у нас свободная страна... все идет трудно, но правильно»,

что отдельные несправедливости «могли случиться в такой огромной стране», а потому «надо перебарывать личную обиду».

В немногих, но выразительных эпизодах и речевых проявлениях раскрываются натуры и вольнолюбивого беглого 17-летнего чеченца Азиза, в чьей сиротской доле отразилась участь «переселенных» Сталиным народов, и медсестры Фроси Сосновской, бывшей крестьянки из Бессарабии, обреченной с 1940 г. на ссылки и лагеря, но сохраняющей мужественное восприятие действительности и дорожающей своим бескомпромиссным, хотя и несколько отвлеченным правдоискательством.

Колоритна и фигура бывшего фронтовика, а ныне заключенного санитаря Шуры Белозерцева, в наблюдениях и письмах которого высвечивается драма одного из центральных персонажей – лагерного фельдшера Георгия Горчакова.

Меткими штрихами обрисован лейтенант Ваню Габуня, с юности отказавшийся от протекции родного дяди – «большого чина в НКВД», писавший «рапорты об отправке на фронт, об увольнении из органов... гневные письма дяде», ставший комендантом ссыльных поселков, желающий тут «людям помочь», но догадывающийся, что «они сами там, наверху, ничего не понимают», что отсюда до Сталина «никогда люди не докричатся».

Убежденным поборником лагерного порядка как идеальной модели мироздания, ненавидевшим «вечный русский бардак и русскую лень», предстает местный начальник третьего отдела лейтенант Иванов. За его мстительной обидой на мыслящего з/к Горчакова по причине нежелания того «поговорить», за искусственно создаваемым из себя эталоном «совершенного» «человека будущего», который «не допускал свободы как явления», таилась внутренне не преодоленная семейная травма. Она была порождена мучившими лейтенанта воспоминаниями об отце – простом грузчике, а затем чекисте, члене расстрельной команды, который одно время «рос в званиях», имел награды, а затем впал в психическое расстройство, спился, был расстрелян в 1938-м, однако объявлен погибшим на партийном задании и посмертно награжден орденом, что позднее побудило Иванова-младшего принять на себя компенсаторную миссию «исправления» отцовских пороков.

Композиционными центрами романа стали взаимно пересекающиеся, прирастающие дополнительными сюжетными линиями жизненные истории флотского лейтенанта Александра Белова и бывшего ученого-геолога, доктора наук, а теперь «фельдшера по местным зонам» Георгия Горчакова.

«Умный, чистый душой» капитан Енисейского пароходства Белов, впервые появляющийся в белом кителе с «погонами флотского лейтенанта и рубиновым орденом Красной Звезды», вдохновляется целостностью картины мира, где личные интересы органично перетекали в общественные императивы и где в центре пребывал Сталин, что «был ему дорог, как отец, которого Белов не помнил, и даже больше отца». Семейная драма в отношениях с женой Зинаидой, открыто изменявшей ему с могущественным лейтенантом госбезопасности Квасовым, не могла поколебать его воодушевления от строительства новой страны, которое пришлось на «утро его большой жизни», овеянное бодрящим «ледяным воздухом» Енисея.

Появление в жизни Белова 24-летней француженки Николь Вернье – участницы французского Сопротивления, бежавшей от немцев к подруге в Латвию и сосланной впоследствии за Полярный круг, – расширяет исторический контекст повествования, привносит в роман лирическое начало, делая его одним из заметных произведений о любви в современной литературе.

В прямой речи Николь возникают эпически емкие ретроспекции многосложной судьбы героини, арестованной под Ригой 14 июня 1941 г., вывезенной в переполненном вагоне в Советский Союз, где ей изначально «нравились изображения Ленина и Сталина», и отправленной затем по этапу на Алтай, в Новосибирск, баржей по Оби, на Игарку. Страдания Николь сопрягаются со многими прочувствованными ею людскими трагедиями, одна из которых нашла отражение в дневнике ее подруги Марии, осуществившей побег из дальневосточной ссылки, но вскоре арестованной в Риге, содержавшейся вместе с уголовницами и от безысходности повесившейся на Енисее.

Взаимная любовь Белова к Николь, их долгие доверительные беседы, переписка во время вынужденного расставания, серьезные несогласия в оценке современности открывают ему полноту бытия, но и *вызывают противостояние сердечного чувства и идеологии*, обостряют в нем импульсы правдоискательства. Не отступая от служения вождю, он дерзко пытается выяснить у особиста причины ареста давнего приятеля Мишки Романова. Перед его сомневающимся взором разворачиваются перипетии задержания поварихи с буксира «Полярный» Нины Трофимовой, которая прошла войну ротной санитаркой, а теперь обвинялась как «опасный военный преступник». Он поддается соблазну компромисса с Системой, позволяет завербовать себя в агенты госбезопасности ради устройства личного счастья с «неблагонадежной» для государства иностранкой и мнимого спасения других людей, пытается внушить себе «мутноватую радость», но под влиянием Николь вскоре с

ужасом отрекается от содеянного, пренебрегает предложением органов выбирать между службой с получением больших звезд и перспективой «шпалы ворочать».

Зигзагообразная траектория перепутий капитана Белова прочерчивается в нелепом совпадении его награждения в Кремле орденом за удачный производственный эксперимент, «нечеловеческого» счастья лицезреть на трибуне мавзолея Сталина, который, как он надолго запомнил, «махнул ему», – и ареста, истязаний, шантажа следователей под предлогом разоблачения заговора в Енисейском пароходстве. Мирочувствие униженного Сан Саныча предстает средоточием болезненных душевных разрывов, пережитых тогда бесчисленным множеством его законопослушных сограждан: «Его награждали в Верховном Совете, а какой-то младший лейтенант выдрал этот новенький орден с мясом», конвоиры передавали его как «малоценную, но опасную вещь»; его, «умелого, смелого, любимца женщин и начальства», держали «на полу тюремной камеры», заставляли «перечислить, в чем виноваты перед родиной», ему, избитому и лишаемому сна, демонстрировали «секретный документ» от самого вождя и назидательно разъясняли, что «органы не только карают, но и воспитывают»...

Обвинительный, хотя и относительно мягкий приговор, вынесенный на марионеточном судилище под председательством безликой пожилой женщины с насморком, превращает молодого успешного орденосца в «бытовика», зэка на Сталинской Магистральной, заставляя его задуматься о себе как «бывшем речнике, бывшем капитане, бывшем орденосце, бывшем мужчине, любившем жену и дочку».

Трудное устройство личного счастья с Николь, упоение отцовством, семейными радостями осложняются в сознании героя комплексом социальной ущемленности. Даже после снятия судимости он мучительно чувствовал, что в заключении его «унизили... и теперь какой-то сержант милиции, даже не взглянув... отдал ему эту бумажку». Но если при столкновении с барственно обедающим начальником МГБ Красноярского края Белов бросает вызов звериному оскалу власти, то позднее, в споре с лейтенантом Антипиным, который после весны 53-го из самоуверенного блестящего офицера выродился в «обычного начальника захудалого лагеря, глуповатого и опустившегося человека», капитан беспомощно «запутался в циничной логике» собеседника – апологета репрессий и вождизма, убежденного в своей едва ли не сакральной избранности «вершить великое дело». Суждения Антипина воспроизведены в романе как расхожий и в последующие десятилетия *шаблон обывательской*

«историософии» тоталитаризма, в соответствии с которой «после революции Россия пошла вразнос», а Сталин ради спасения государства «наполнил страну страхом, и она затихла... как опытный врач, вводил точечные дозы страха», репрессии же – «всего три процента! Ради счастья девяносто семи тремя можно пожертвовать!» Половинчатое высказывание Белова о том, что Сталин «возможно, великий человек, идеи которого страшно извращались», высветляет не только его личные заблуждения, но и *массовую инерцию иррационального пиетета перед тиранами, обусловленную накопившимися за многовековую историю русского абсолютизма коллективными травмами*.

Напряженная рефлексия о своей судьбе и современности, свободная, в отличие от капитана Белова, от официальных догм, характерна и для *47-летнего бывшего ученого-геолога Георгия Горчакова*, за чьей «довольно обычной физиономией старого лагерника», лицо которого «научилось не участвовать в происходящем», скрывались раздумья о едва созданной семье, загубленных научных перспективах 33-летнего доктора геолого-минералогических наук, впервые арестованного 31 декабря 1936 г. Ему довелось пройти через ленинградские тюрьмы, затем на правах «почти вольного» руководить геологическими работами в Норильске, вернуться из заключения в июле 45-го и через три недели оказаться вновь арестованным и осужденным вначале на 10 лет за «сокрытие полезных ископаемых», а потом получить новый срок «на четверть века исправительно-трудовых лагерей».

Жизненный опыт Горчакова, глазами которого увидены многие ключевые эпизоды романа, раскрывается в его беседах с санитаром Белозерцевым, столкновениях с лагерным начальством, общении с пациентами, в молчаливом, но твердом отказе выпить за Сталина и основан на позиции душевного трезвения, отстаивания человечности и в то же время неготовности к хотя бы частичному восстановлению дотюремного прошлого. Скептическим заявлением «я теперь хорошо валю лес» отвечает он на предложение возглавить алмазную разведочную партию в Норильске, полагая, что здесь для него безвозвратно утеряны возможности послужить любимому делу, коль скоро «больше его имени нигде не было», а «тот, кого цитируют... его уже нет».

Не утрачивая склонности к проницательной, окрашенной безрадостным чувством рефлексии о настоящем и будущем страны, Горчаков в разговоре со ссыльными товарищами провидчески размышляет о том, что обществу «нужно время, чтобы выбраться из этих страшных событий», однако сама по себе историческая дистанция не исключает того, что «вдруг через пятьдесят лет люди не захотят об этом думать», что в восприятии новых поколений «тьмы замученных людей окажутся необходимой платой за что-то, о чем мы

не догадываемся». Настаивая на *нравственной оценке общественного бытия*, он полагает, что для критического переосмысления пройденного народом пути непременно «нужны свободные люди, которые захотят все это понять. Только свободные могут этого захотеть». Симпатизируя искренности Белова, но и распознавая в его поклонении вождю «странное, невозможное, насильственное сочетание любви и страха», Горчаков делится с ним личными воспоминаниями о том, как в 1929 г., когда многие «еще верили в равенство и братство», он вблизи видел Сталина – в ту пору «просто одного из руководителей государства»; о своем аресте и суде... Эмоционально внимая этому доверительному рассказу, Белов, впрочем, снисходительно воспринимает Горчакова и Валентина Романова как «искалеченных людей». Завороженный монументальной мощью парадного портрета генералиссимуса, Белов уверяет себя в том, что поведенное Горчаковым не имеет отношения к его жизни, ведь он «не мог представить себе каких-то далеких во времени и в пространстве родственников Горчакова... Они казались ему людьми из ушедшего прошлого, из времен революции».

Психологически тонко мотивирован душевный отклик Горчакова на встречу с Николь, неожиданно воскресившую в недрах его памяти «чудом сохранившиеся... французские фразы», воззвавшую из душевной «мерзлоты» «странное, волнующее желание заговорить с красивой женщиной на языке, которого вокруг никто бы не понял».

Выведенная во многих биографических обстоятельствах и психологических штрихах история семейной жизни, разлучения, переписки и непростого воссоединения Горчакова с женой Асей образует одну из стержневых линий романа. Любящим взглядом Аси мысленно обозревается лагерная судьба Геры, с которым она была знакома с детства и который теперь всегда деятельно «присутствовал в ее воображении». Долгие годы она «рассказывала ему, что сейчас с ней происходит», даже когда в августе 1948 г. он в отчаянии от нового срока вознамерился отсечь их общее прошлое («писать мне не надо – читать не буду»), предложил ей вторично выходить замуж и забыть о нем, что с сочувствием к ней подтвердил в письме Шура Белозерцев и проницательно назвал его состояние хроническим «лагерным неврозом»: «Отцом вашим детям он никогда уже не будет...»

В семейной истории Горчакова, Аси, их сыновей Коли и Севы течение художественного времени рассекается на два противостоящих друг другу русла.

Эмпирический план образуют сцены все более бесприютного послевоенного московского существования «бедных родственников врагов народа»;

Асины давно безответные, но упорно отправляемые мужу письма; занятия фортепиано с дочерью генерала, предложившего ей небескорыстное покровительство; вывешенные перед Новым 1950-м годом «огромные портреты вождя» в честь его 70-летия и, наконец, отъезд с сыновьями из Москвы в сентябре 1951 г. к Горчакову на Дальний Восток под видом вербовки на комсомольскую стройку.

Уровень сокровенных устремлений Аси как жены и матери раскрывается в самоотверженном сбережении ею семейного единения, родственных привязанностей вопреки агрессивному наступлению гулаговского насилия. Она старательно укрепляет в картине мира растущих и задающих неудобные вопросы сыновей достойное представление об отце – «героический образ геолога Горчакова», подготавливает их к пониманию «бесчеловечной сложности их изуродованной жизни» и общей атмосферы, «в которой кругом была ложь». Ей было суждено пройти через трагическую гибель на Енисее младшего сына, перенести «глубинную истерику, страшную своей тишиной и одиночеством», долгое время с ужасом осознавать, что «Гера и Сева не встретятся теперь никогда», согласиться на унижительную близость с лейтенантом, спасшим ее от насилия зэков, добираться на перекладных до Ермаково, чтобы, встретившись с мужем, оказаться лишь в самом начале долгого пути к восстановлению семейного родства.

Художественно постигая разрушительное воздействие многолетнего лагерного отчуждения на душевный склад Горчакова, автор замечает, что его «потрепанные» за годы несвободы надежды «окончательно потеряли смысл», и потому в его глазах приехавшие к нему самые близкие люди «продолжали быть нереальными... это была жена, которую он не помнил, сын, которого не знал, еще один сын...» Свои порознь прожитые годы супруги расценивают как «краденое счастье», не надеются на скорое возвращение оставшегося в молодости взаимопонимания, поскольку «ей никогда не представить было его доходягой, его работы и лагеря, как и ему – ее московских мытарств». И все же появление в финале произведения Аси, кормящей новорожденную дочь, теплые раздумья Горчакова о жене и ее не всегда доступной ему «сложной вере в жизнь», его недоуменно-трепетное преклонение перед тем, как «хрупкая женщина шла против ненасытной машины, тихо отстаивала право людей любить друг друга», рифмуются с извилистой историей семейного союза Белова и Николь, намечают в трагедийной канве романного действия мерцающую перспективу новых обретений в жизни героев и их нравственной победы над «мерзлотой».

Итак, роман В. Ремизова «Вечная мерзлота», в отличие от многих классических текстов лагерной прозы, вырастает не из пережитых автором впечатлений, а из опыта художественно-документального осмысления материала. Писатель захвачен скрупулезным воссозданием социально-исторических, политических, технических обстоятельств, природных факторов, сопутствовавших прокладыванию Трансполярной Магистральной, которая видится ему мрачно довлеющим и над сегодняшним днем памятником позднего сталинизма, одним из воплощений надолго укоренившейся в национальном коде сущности тоталитаризма. В разветвленной композиционной логике произведения Великая Сталинская Магистраль искривляет и зачастую ломает жизненные пути своих как энтузиастов, так и противников, «вечная мерзлота» проникает в сокровенные глубины частного, семейного и общественного бытия. Вот почему многие панорамные планы получились в романе психологически насыщенными, тесно соотнесенными с биографиями главных и второстепенных героев, их реакциями на современность, с пронзительными историями любви, трагическими коллизиями личных поисков и отношений с эпохой.

Список литературы

1. Авченко В. Вечная теплота. [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/12/29/vechnaia-teplota/> (дата обращения: 15.06.2022).
2. Алешковский П. Между точками «А» и «Б». [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/20/88799-mezhdu-tochkami-a-i-b> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Ремизов В. В. Вечная мерзлота. Роман. – Владивосток: Тихоокеанское издательство Рубеж, 2021. – 1483 с.
4. Ремизов В. Капитаны не совершили ничего преступного – и вдруг их ставят к стенке [Интервью]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/pisatel-viktor-remizov-kapitany-ne-sovershili-nichego-prestupnogo-i-vdrug-ih-stavyat-k-stenke/> (дата обращения: 15.06.2022).
5. Ремизов В. Мы превратились в зрителей и смотрим спектакль, в котором якобы не участвуем [Интервью]. [Электронный ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/2021/07/my-prevratilis-v-zriteley/> (дата обращения: 15.06.2022).
6. Ремизов В. Советские люди выстояли против сталинизма [Интервью] [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1194251/daria-efremova/sovetskie-liudi-vystoiali-protiv-stalinizma> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Roganov A. Лед под ногами генералиссимуса. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/led-pod-nogami-generalissimusa/> (дата обращения: 15.06.2022).
8. Роднянская И. Энциклопедия насилия – азбука человечности. [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8044> (дата обращения: 15.06.2022).

9. Тарасов А. Вечная мерзлота как синоним России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/news/359184> (дата обращения: 15.06.2022).

References

1. Avchenko, V. *Vechnaya teplota* [Eternal warmth] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://godliterary.ru/articles/2020/12/29/vechnaia-teplota/> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

2. Aleshkovskij, P. *Mezhdu tochkami «A» I «B»* [Between points “A” and “B”] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/20/88799-mezhdu-tochkami-a-i-b> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

3. Remizov, V. V. *Vechnaya merzlota. Roman* [Permafrost. Novel]. Vladivostok: Tihoookeanskoe izdatel'stvo Rubezh Publ., 2021. 1483 p. (In Russian).

4. Remizov, V. *Kapitany ne sovershili nichego prestupnogo – I vdruk ih stavyat k stenke [Interv'yu]* [Captains have not committed anything criminal – and suddenly they are put against the wall. Interview] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.pravmir.ru/pisatel-viktor-remizov-kapitany-ne-sovershili-nichego-prestupnogo-i-vdruk-ih-stavyat-k-stenke/> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

5. Remizov, V. *My prevratilis' v zritelej I smotrim spektakl', v kotorom yakoby ne uchastvuem [Interv'yu]* [We have turned into spectators and watch a performance in which we allegedly do not participate. Interview] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://takiedela.ru/2021/07/my-prevratilis-v-zriteley/> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

6. Remizov, V. *Sovetskie lyudi vystoyali protiv stalinizma [Interv'yu]* [Soviet people stood up against Stalinism. Interview] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://iz.ru/1194251/daria-efremova/sovetskie-liudi-vystoiali-protiv-stalinizma> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

7. Roganov, A. *Led pod nogami generalissimusa* [Ice under the feet of the Generalissimo] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gorky.media/reviews/led-pod-nogami-generalissimusa/> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

8. Rodnyanskaya, I. *Enciklopediya nasiliya – azbuka chelovechnosti* [Encyclopedia of violence – the ABC of humanity] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8044> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).

9. Tarasov, A. *Vechnaya merzlota kak sinonim Rossii* [Permafrost as a synonym for Russia] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.ridus.ru/news/359184> (data obrashcheniya: 15.06.2022). (In Russian).